

Алиаскер Ашрафов

* * *

Что скрывать, наша жизнь на треть
Состоит из дурного и пошлого,
Но если б можно было что-то стереть,
То я бы начал с прошлого.

* * *

Здравствуй, моя Мадонна.
Уже с утра пахнет мокрой травой
В городе на левом берегу Дона,
Где я познакомился с тобой.

Здравствуй, моя дорогая.
Я еще не носил тебя на руках,
Имя любимое оберегая
Твое на холодных губах.

Здравствуй, моя вселенная,
Хоть и ничем не примечательная.
Спешу сказать, что будучи обыкновенной,
Ты самая замечательная.

Алина Бачурина

КРУЧЕННЫЙ

Моя мелкая рыбка-душонка
Становится словно большой синий кит
Слушаю, как у моего божонка
Сердце стучит

Достучаться бы
До небес ему
Но стучит в гробы
Все прошедшему

Достучаться бы и до истины,
Но в его пути нет ему вины

Не прикажешь сердцу пути
Как ни крути

Не крути колеса фортуны или сансары
И в покое оставь колеса с цветными картинками
Я тебе покажу самые цветные бульвары
Цвет которых не умертвить черно-белыми снимками

Не крути ты в руках зажигалки и сигареты
Не мешай себе чувствовать воздух магический этот
Ты почувствуешь запах угасшей навеки кометы
Ты услышишь, что шепчет с небес тебе на ухо Эрот

Ты не порть табаком своего чуткого обоняния
А не то не заметишь, как из-под ног исчезает тонкое
В этой вони давно все изучено до основания
Ты б почувствовал что-нибудь легкое, новое, звонкое...

Не крутить тебе черных баранок роскошных авто
И не жить во дворцах, не давать вечеров пышных в залах
Но зато я уверенно, как никто, верю в то,
Что тебя восхвалять будут даже в задрипанных барах

Но сначала крутить будут пальцами у виска
Для тебя это будет как пистолет в то же самое
Но ты будешь знать, что победа твоя близка
И ты приближаешься, делая даже малое

Ты крути косяки по-мощней и кури бамбук
А я здесь, навсегда и надежно, близко и слева
Буду слушать упорное вечное туки-тук
Твоя нечистая, но и не падшая дева

МАЙСКИЙ

Ох, здравствуй, скоростной май с липким потом,
Привет, дорогой.
Заходи, выпей чаю холодного с пленкой.

В этом аукционе ты был самым желанным лотом,
Что ж ты как неродной!
Я укурю тебя накрахмаленной новой пеленкой.

Ближе, ближе, стесняться здесь нечего, знаешь ведь сам.
Здесь я дышу, здесь — живу, здесь вот — твой уголок.
Отвези меня, слышишь, туда, где золотом льется солнце.

Мы с тобою от всех от них скроемся по лесам,
Так схоронимся, чтоб никто и подумать не мог.
Все, наверное, думать будут, что мы утонули в колодце.

А мы вихрем нестись будем по миру, литься,
как солнечный луч в граненый стакан
На самое-самое донце.

г. Воронеж

Дарья Зайчикова

КАК В ПРИБРЕЖНОМ ПЕСКЕ...

Мне по вкусу копаться в словах, как в прибрежном песке,
Разбирать на частицы вселенную столь не похожих
Друг на друга молекул на чашей раскрытой руке,
Как по звездам читая в них явственно промысел Божий.

Я люблю отражаться во вздохе трепещущем вод,
Растворяться по капельке в них с каждым шагом заката.
Я боюсь, что когда-нибудь это тихонько уйдет,
Еще больше — что я не почувствую этой утраты.

Но заметен бег времени, кажется, лучше всего,
Когда там, где вчера надпись «книжный» вовеки и присно,
А сегодня — арбузы, бананы и много чего,
Штукатуркой осыпался в Лету кусок этой жизни.

О ДЕЛЕНИИ НА ДВА

Почти неясно, чьи это слова
Слетают с губ моих, меня минуя.
Узлом связи пустые рукава,
Не дай мне стать такой, какой хочу я.

Весь помутнел сосуд из хрусталя,
И отраженье в нем уже другое.

Позволь делиться на саму себя,
Чтоб ноль в остатке. Множество пустое.

Но я делюсь по-прежнему на два.
Виню тебя, не чувствуя утраты.
Любовь по умолчанию права,
А мы по умолчанью виноваты.

ВСЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ...

Все продолжается: лето, зима...
Грустно, так грустно... но не о чем плакать...
Жизнь наше прошлое туго вплела
В эти подъезды, деревья, дома,
В синего неба глубокую мякоть.

Медленно в небе плывут облака...
Вымостим улицы счастьем и грустью.
Не о чем плакать: ведь будет века
Помнить земля под следом башмака
Всю нашу жизнь — от истока до устья.

г. Воронеж

Дарья Комарова

ТОЛЬКО ТЕБЯ И КАКТУСЫ

знаешь, я люблю тебя и кактусы¹.
не потому что я боюсь любить только тебя, или
обожаю пораниться и носить пластыри;
не потому что на моем сердце гири.

я кактусы люблю, потому что в них есть что-то родное,
что нельзя осязать или увидеть, лишь почувствовать можно.
примерно такое же чувство возникает с тобою,
когда ощущаю твои прикосновения на своей коже.

я даю имена кактусам в обмен на их дружбу, милый,
не забывай о моих маленьких странностях.
я не уверена, но у меня вроде бы нет шизофрении,
как нет в мире счастья и радости,

т.е. это весьма субъективное мнение.
один скажет — есть, а другой скажет — нет.
это не изменит чье-то сердцебиение
и не прервет чей-то ответ.

¹ Печатается в авторской редакции.

я не знаю, как попросить об этом правильно, честно,
но я хочу, чтобы ты, даже кого-то другого любя,
даже на другом уже месте
помнил,
что я любила кактусы и тебя,
даже если мы никогда не были вместе.

г. Воронеж

Олег Коновалов

* * *

В чистом поле раскинулись дали,
В чистом поле — вокруг ни души,
И луна освещает устало
Это поле, как всю мою жизнь.

В это поле я влит изваяньем,
Одурманенный голью вершин.
Безначальны твои начинания,
Бесконечны твои миражи.

Гаснут в сумерках дальние версты,
И, колдуя пространством пустым,
Оживают мне близкие весны
Средь буранов моих и пустынь.

Окружают туманные выси,
В чистом поле сужают кольцо.
Ветер гонит озябшие листья,
Вьюжит пыль и кидает в лицо.

В чистом поле луна смотрит в очи,
В чистом поле печалится дождь.
Что ты, что ты мне, ветер, пророчишь,
И о чем ты мне, ветер, поешь...

г. Воронеж

Наталья Косякина

* * *

Празднуем без распития
Бледным осенним днем.
Как хорошо любить тебя,
Как хорошо вдвоем.

Тихо, не сглазить только бы.
Кто его знает, вдруг
Мы распадемся дольками
В пятницу поутру.

Не было вроде поводов,
И приходил Господь,
И говорил мне: «Полно вам
Всякую чушь молоть.

Планы на вас составлены». —
И показал альбом:
Вот мы с детьми, вот старые,
И на тот свет вдвоем.

Он меня успокоил, но
Нету покоя мне.
Может же быть такое, что
Не по его вине.

В мире бывает страшное,
Чуть отвернешься лишь.
В мире за каждой бабочкой
Точно не уследишь.

Думается мне, создал он
Женщину неспроста
Трепетной и бессонною —
Помощью на местах.

Я на посту старательно
Вглядываюсь в покой,
День это или затемно,
Близко ли, далеко,

Пасха ли, день рождения,
Серая ли печаль —
Я охраняю гения.
Мне за него отвечать.

Ночь уползает в озеро,
Как побежденный змей.
Ночь уползает в озеро —
Сверху следят за ней.

Как хорошо, не холодно,
Греет родная плоть.
Кто-то мне гладит голову —
Милый или Господь?

Оксана Лесовик

ОН УХОДИЛ

Она бежала за ним. Бледная.
Из-под платка выбивались пряди.
Она бежала за ним. Бедная.
Он уходил, на нее не глядя.
Он уходил, чтобы яро, пламенно,
Чтобы из плоти своей, при помощи
Кровавых тел и врагов израненных,
Построить мир, стоя в крови по уши.
Она бежала за ним, все охая,
Ломая руки, рыдая громко.
Он уходил, чуя запах пороха.
И запах крови. И запах фронта.

СТАРИК

Завороженная хриплым голосом,
Внимаю. В слух обратилась вмиг.
И каждый стих оставляет борозды
На неокрепшей душе. Старик
Читает тихо, любовно, ласково,
Но голос крепок и не дрожит.
Передо мной, наливаясь красками,
Встают из марева миражи.
Ручьи текут по снегам в проталинах,
Рыдает девушка, сыплет град,
Иль пули свищут, вгрызаясь в раненых,
Иль солнце прячется в виноград.
Старик читает. Сменяют образы
Друг друга плавно и впопыхах.
Я слышу шелест в шипенье голоса.
Я слышу свист на его устах.
Я слышу цокот. И вой. И музыку.
И боль утраты. И рев. И рык.
Застывших в зале сплетает узами
Неумолкающий тот старик.
И в час, когда замолчат уста, —
Стихи начнут во мне прорастать.

г. Воронеж

Екатерина Макушина

* * *

Когда стемнеет, сяду у окна
Глядеть на двор, окованный морозом,
Где все покорно ласковой угрозе,
Блаженству очарованного сна.

Его не обойти, не превозмочь —
Слияние полета и паденья.
...А волосы твои черны, как ночь,
В которой не дожидаться пробужденья.

* * *

Я приеду к тебе — да не ночь ночевать,
Не в застолье хмельном до зари пировать.
Я тебя позову на нехоженный мост,
Где Смородина-речка касается звезд.

Где купается ветер в траве-мураве,
Где так душно, так сладко моей голове —
Одному похваляться мечом да щитом,
А другому лежать под колючим кустом.

Я приеду к тебе — да не век вековать,
А за тени забытые кровь проливать.
А покуда — туман, опьяняющий плен...
Не поднять головы с твоих белых колен.

* * *

Жестокою местью мы платим за прежний восторг,
За страх расставанья, за трепет покорной души.
Две тысячи лет озаряет лучами восток
Спокойное солнце, вставая в небесной тиши.

Но гром загремит — и помчится лавина коней,
Копытами втопчут кумира в дорожную пыль.
Любовь? Да они на скаку и не вспомнят о ней.
Последнее дело — пощады просить у толпы.

А та, что вчера простиралась под сводами ниц,
С осанкой владычицы сумрачно топнет ногой.
Стрелой понесутся десятки золотых колесниц
Мечту истребить — и очистить поля для другой.

...Порой к пепелицу приходит шальной ветерок.
В нем слышится песня свободы и варварский бой.
Когда мне велит разлюбить мой насмешливый рок,
Иначе хотела бы я распрощаться с тобой.

г. Воронеж

Мария Мищенко

ЧУДО

Чертили четверо чертят
Чертежным инструментом
Игриво линию плеча
И черной пряди ленту,
Окружность черного зрачка,
Чернильный рот в усмешке.
Чертили быстро, второпях,
Чтоб попусту не мешкать.
И капнув акварели в лист —
В фарфоровую кожу,
Чтоб с чувством жилки напряглись,
Чтоб сердце билось тоже...
Чтоб карий взгляд чертил насквозь
Чеканкой четких линий,
Чтобы в груди разорвалось
И выплеснулось синим.
Работа кончена не в срок,
Забыта всеми сразу,
Но приглянулся тот листок
Да ангельскому глазу.
Он дорисовывать не стал,
но нежностью волнуем,
безумный образ оживил
коротким поцелуем...

г. Воронеж

Михаил Потапов

БОМЖИ

Ты не спеши, ты нас не гони,
Мы идем спать за те гаражи.
Бомжи мы, бомжи.

Ты камни свои побереги,
Побереги кулаки.
Нам бы воды.

Мы тоже хотим тишины,
И чтобы без этой возни.
Но, сам что ли окурки сложи

В наши карманы
Или кульки —
Под картонные наши крыши.

Нам жизнь твою пережевать,
Прожить
И за гаражи.

Ты лучше во сне нас передужи,
А иначе — съедим, не сняв чешуи.
Не оставим костей, не оставим души.

Мы мусорные ужи
И в нашей глуши
Нет ничего вкуснее души.

СПАСИБО

Она мне протянула «спасибо»,
Но слово вырвалось из ее рук,
Коснулось стертого ногами линолеума
И разбилось на всякую букву,
На всякий звук:
Они стали горячими, словно
Капли расплавленного олова.

Я стал шарить руками по полу,
Сжег все пальцы,
Пытаюсь собрать потерянное,
А она держала себя, как гору,
И повторяла: «не верю я, не верю я»

Я вытащил капли
Линейкой из-под дивана,
Я сделал все, что мог,
Но этого оказалось мало.
И вышло худшее из всех
Возможных слов.

Когда она из моего дома ушла,
Я стоял в лабиринте своей комнаты/души
И на левой руке, словно
Недавно родившись и жадно дыша,
Осталось слово ее «спаси».

г. Воронеж

Мария Русанова

* * *

Свет проникает сквозь кисти деревьев,
Солнце — оранжевый лев.
Воздух расплылся в одно дуновенье,
рыжее солнце задев.

А под ногами уютная, знойная
летняя почва. И вдаль
я посмотрела, меня окружили вдруг
лес и земная печаль.

БЫТЬ НАСТОЯЩИМ

Пью чай зеленый всегда без сахара;
порой крашу ногти розовым цветом —
это из рук прорастает сакура
и ярко цветет в межсезонье лета.

Я — стихи, а кто-то пишет портреты,
кто-то кофе любит чуть-чуть послаще.
Истина не в том, чтобы быть поэтом,
истина в том, чтобы быть настоящим.

О ТРУДНОСТЯХ

Пусть шаг отдастся в землю камнем,
глас — в небо дымом.
В озера звездами мы канем...
Неизмеримо!

Пусть весь скелет зальется медью,
чтоб не сломаться.
Молчать, когда спина под плетью,
и улыбаться.

г. Воронеж

Сергей Рыбкин

* * *

...Но важно не забыть, что за тем домом...
Кольшется высокая трава!
Средь яблонь, абрикоса и черемух
Шуршат уже созревшие слова.
Шуршат они и шепчутся, как птицы,
То звонко зачирикав, то запев!
Ах, если бы им смочь освободиться,
До силы откровения созрев.
Тогда б они игриво улетали
В похожий сад, что где-то далеко...
И шумные восторженные стаи
Их были где-то в небе, высоко.
Но двери в том доме всегда открыты,
Что стаю с нетерпеньем в сени ждет,
И сад, небесной нежностью омытый,
Как в первый раз восторженно цветет.

* * *

А дождь сегодня льет, как из ведра,
Что облако разбрызгало над нами,
И чистая, но грустная вода
Измажет грудь тоскливыми следами.

Прохладно. Ветерок все время рвет
Листочки с дерева без разрешенья,
Уж скоро он и август засосет
В дымящую пургу листосожженья.

Запахло окончанием тепла,
Тоскою разлились дожди прощанья,
Но как же ты красива и мила
Средь летнего простого увяданья.

Мне кажется порою, что в тебе
Вовек не угасает нежность лета,
Ты словно растворяешься в тепле,
И сердце им мое уже согрето.

г. Воронеж

Алексей Сапрыкин

* * *

А слово, как будто бы птица.
Ей клетка, ей клетка не пара.
А птица почти не боится,
Душевного пыла и жара.
Ночами, ночами не спится,
К чему за окном непогода?
А птица плетет небылицы,
О «счастье» и слове «свобода»...
А нам все вопросом томиться,
Что первое было, а все же?
Ведь птица, не каждая птица,
Яйцо свое высидеть сможет.

* * *

Небо-нищенка, тучи-клочья,
Вдовый март морщит рябью лужи.
Круг замкнулся минувшей ночи,
Вязнет крыша в муругой стуже.
А под ней свистопляска тени,
Чай зеленый, в стакане буря.
Прячет плед наготу постели,
И уютится пиджак на стуле.
Тишиной растворенный голос...
Недосказанной фразы эхо...
Дым табачный, в котором образ
Уходящего человека...

*г. Бутурлиновка
Воронежской области*

Елена Смолицкая

ВОДА В СОСУДЕ

Весь день кружила вьюга надо мною
Ненужных дел и злобной суеты.
Пришла помятой, с мутной головою —
Сосуд с водой на стол поставил ты.
«Испей воды — и сердцу станет легче.
Испей воды — и тяжесть отойдет», —
Ты говорил. В глазах мерцали свечи.
«Умой лицо — в душе растает лед».
Я наклонялась над твоим сосудом
И пристально смотрела в глубину.
«Вода черна. Не буду пить, не буду!»
Отставила — и вызвала волну —
Волну смущенья или возмущенья,
Негодования праведного всплеск.
...Но вот поодаль, мне на удивленье,
Сосуд явил воды слепящий блеск.
Вода сверкала — чистая, как слезы
Ребенка, непорочного душой.
«Не может быть! Все это только грезы.
Вода чернела только что смолой!»
Я позвала соседей и прохожих:
«Вода блестит иль я сошла с ума?»
Все это так на мистику похоже...
Не верю я глазам своим сама.
«Вода сверкает», — подтвердили люди.
Мне стало ясно, словно белый день,
Что воду черной сделала в сосуде
Моя непроницаемая тень.

ДВА ДОЖДЯ

Я выпила дожди свои до дна.
Надломлена, растоптана, убита,
Безжалостна, стою в толпе одна.
Воронками душа моя изрыта.

А ты твердишь, что видишь Божий свет
В моих глазах, что смотрят злее ночи,
А ты все ждешь невысказанный ответ
И чудеса загадочно пророчишь.

Скажи, зачем ты веришь во сто крат
Сильней в меня, чем я способна верить?
Твой мир глубокий сказочно богат,
Ты мне в него распахиваешь двери.

Ступаю вниз и вижу только тьму.
Иду на ощупь, холод бьет по коже.
А ты спокоен. Знаю, почему:
Как два дождя, с тобою мы похожи.

И Божий свет, и тьмы густая нить
Сплелись в любом из нас, как плотный кокон.
Но ты меня способен научить
Картины ткать из солнечных волокон.

г. Воронеж

Екатерина Стрельникова

* * *

Я помню, как пуля попала мне в грудь.
В глазах замаячили черти.
Я помню спокойную, жгучую жуть,
Хрипёе дыхание смерти.

Я пал, как подкошенный страшной косой,
На землю — сухую, как губы, —
И я захлебнулся соленой водой,
И стиснул багряные зубы.

И я испугался не злобной войны,
Не смерти — седого уродца,
А я испугался глухой тишины,
Нещадно палящего солнца.

Я падал под землю и вновь воскресал,
Томясь от жары и от жажды;
Я слышал уже, как люд русский стонал,
Схороненный нами однажды!

И в миг, когда я умереть захотел,
Уже и не корчась от боли,
За запахом рваных, обугленных тел
Я вдруг ощутил запах поля.

Лежал я на теплой, упругой земле, —
И спал безмятежно, как раньше,
В родной и высокой зеленой траве,
Где нос щекотал одуванчик.

Клонясь надо мной, полевые цветы,
В слой пыли и крови одеты,
Тихонько шептали мне: «Миленький, ты!»,
Закрыв от горячего света.

Как мать, они гладили волосы мне,
Прильнули к устам, как подруга,
И я растворялся в нежнейшей земле,
В груди ее доброго луга.

И плач раздавался во чреве ее,
И скорбь разливалась по венам:
Она проживала страданье свое
По детям своим убиенным.

И выла земля, и стонала земля
Под грубо-чужими ногами,
Воюя за нас точно так же, как я —
Бесценную жизнь отдавая!

И жалкие глазки цветов полевых,
Их нежная тень и прохлада
Дороже мне были ласканий любых,
Ценней, чем любая награда.

И пуля, как крыса, грызущая грудь,
И губы — кора кровавая —
Уже не мешали мне просто вздохнуть,
В отчизне своей утопая.

* * *

Закручинился, голову свесил
тонкостволый железный фонарь.
Что же ты, мой любимый, невесел,
и все смотришь куда-то вдаль?

Пепел-снег — обжигающий холод
на косматых бровях проводов...
Этот мир уже очень немолод,
но и к смерти еще не готов.

Он для всех стал противен и тесен,
ему книгой один календарь —
потому он угрюм и невесел,
как больной и горбатый фонарь.

Но тебе ли, любимый, бояться
игл ветра и воя вьюг?
Фонарю суждено целоваться
только с тенью своей на снегу.

Мир давно стал вассалом разлуки...
Ты же — вечно любовью храним,
и твои чуть дрожащие руки
я согрею дыханьем своим.

г. Воронеж

Антон Шамраев

* * *

Ты начинаешь чудиться мне в лицах
знакомых, незнакомых, непохожих,
в оконных рамах, стенах, на страницах
журналов, книг, в рисунках их обложек,

в тумане, в облаках, за каждой шторой,
в пылинках, с их немислимыми сальто...
Я жив лишь твоим образом, который
вот-вот сотрется с серого асфальта.

г. Воронеж

Джабрил Яхъяев

ЭТО РОДИНА

Еду кланяться отчему дому.
Путь мой ясен — поля и поля...
На безлюдных Господних ладонях
Зеленеет живая земля.

Это Родина... Синее небо
Обнимает широкую даль,
И поет первозданный молебен
Уходящая к людям вода.

Это Родина... Мать у порога,
Не сводящая взора с пути,
По-талышски молящая Бога
Сыновей сохранить и спасти.

СОХРАНИТЕ

В поисках неведомого счастья,
Отняли мы Сердце у земли
И, пронзая небо, самовластно
К звездам воздвигали корабли.

Но в безмерном грохоте открытий,
Кажется, никто не слышал, как
Повторяло Сердце: — Сохраните
Эту землю, эти облака...

Мы открыли Сердце нараспашку.
Но, заставив города цвести,
Ничего прекраснее ромашки
Так и не смогли изобрести.

г. Воронеж